

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава XI. Отрицательное отношение к реформам Никона в среде православных (3)

Таким образом, по мнению вятского епископа Александра русские церковные книги никак не следует исправлять по еретическим венецианским изданиям, как это делал Никон, не следует и русские церковные чины и обряды исправлять по современным греческим, как это опять делал Никон и его продолжатели. Для русских руководством в их религиозной жизни должна служить, по мнению епископа Александра, исключительно своя родная, святая старина: можно верить и греческим книгам, но только тем, которой были привезены на Русь еще святыми Ольгою и Владимиром, а лучше исключительно утвердиться на книгах, которые переведены на славянский язык святыми братьями Кириллом и Мефодием. В жизни и нравах следует подражать святым угодникам «в знаменях и чудесах просиявшим в великой России»; следует «и чины и предания их хранить, яко от самого Бога свидетельствованныя», а не менять их на сомнительные современные греческие. Тем более необходимо поступать так, что изменяющее теперь русскую церковную старину, чины и обряды, эти «мнящиеся столпы настоящего сего времени», сами «друг со другом в чинех церковных согласия не имеют», ибо отвергнув родную святую старину, которой бы им следовало твердо держаться, они потеряли под собою твердую надежную почву, благодаря чему у каждого из них явилось «свое мудрование, совершенно чуждое смиренномудрия», они, побуждаемые тщеславием, заботятся по преимуществу о том, «яко да века сего покоя и славы и чести не отпадем». Многие «от верных» соблазняются «вправду» новоисправленными книгами и сильно смущаются возникшими церковными несогласиями, так как новоисправленные книги действительно заключают в себе много поводов к соблазну, а между тем пастыри церкви вовсе не заботятся исправлять таких смущающихся «духом кротости», а только «ратуют Христово стадо», вредят тем, «их же лепо пользуети». В виду этого епископ Александр желает, чтобы собор уничтожил в новоисправленных книгах все превратное и соблазнительное, и чтобы это новое исправление книг совершилось «благим советом соборне», так как «дерзостею творимое не твердо, но блазнено воистину и смущению виновно, советом же исправленное — пользует». Очевидно, что этими своими заявлениями о недостатках церковной реформы Никона епископ Александр как нельзя более сблизился с воззрениями и заявлениями принципиальных противников церковной реформы Никона, которые поэтому оказывали ему свое особое расположение, охотно списывали его вопросы и, своей стороны, пользовались его расположением. [Неронов в своей челобитной государю заявляет: ревнитель же воистину закона, блаженный Александр епископ вятский, во всех писаниях к тебе, великому государю, яве блудню

Никонову показа... и в тиснении печатном книги ево, Никонова мудрования, ересей полны показа и блужения, рекши, превратов». Игумен Феоктист, некоторое время проживавший в Вятке у Александра, пишет к известной боярыне Морозовой, чтобы она сама и чрез своих знакомых всячески похлопотала о делах епископа Александра. Между арестованными у игумена Феоктиста бумагами значатся и вопросы Александра к собору. Дьякон Федор пишет: «святитель Александр вятский епископ, иже прежде коломенский быв, по Павле исповеднике, разумев все коварство и неправду соборища их погибельного, приехав в свою область, не служаше по новым книгам, и сельским попом всем запрещаше. И нецыи попове, бояще страха царева, извещаша нецыи царю о том нань, а истязание бысть ему. Он же страха Божия паче убоися и непослушаша лукаваго соборища их, и отрекся новозакония их, и остави епископию, отъиде в монастырь свой на Вычегду, и каися до смерти о прежнем своем и поползновении за еже сообщися с ним».] Но в то же время между ним и Александром было и существенное различие, именно: хотя Александр и признавал серьезные недостатки в книжных исправлениях Никона, однако не находил эти недостатки настолько важными, чтобы ради их погубило православие на Руси, чтобы из-за них следовало отделяться от церкви, или, чтобы ради их призвать Никона и его последователей еретиками, с которыми не следует сообщаться. Кроме того Александр находил неисправными не только книги, напечатанные при Никоне, но и книги напечатанные при его предшественниках, почему и желал, чтобы все наши книги вновь были исправлены, но обязательно на соборе, общим советом, а не единолично. Само собою понятно, что возражения епископа Александра против новоисправленных книг, хотя относительно и сдержанные, должны были однако производить и на православных, т. е. уже принявших новоисправленные книги, очень сильное впечатление, так как нападение на никоновские книги исходило от православного епископа, который не только находился в полном общении с церковью, управлял самостоятельно целою епархией, но и был одним из выдающихся иерархов, отличавшейся, как видно, недюжинным умом, начитанностию, горячею ревностию о благочестии и высоким, сравнительно, пониманием своих архиастырских обязанностей.

Кроме вопросов вятского епископа Александра до нас дошло еще «Обличение на Никона патриарха», написанное после его удаления с кафедры одним из русских архиереев. Обличение состоит из тридцати статей и подано было государю в виде челобитной от лица русских архиереев. В четвертой статье обличения говорится: «отнележе бо он, Никон, начат вводити смущения догматы, не имамы чисты молитвы к Богу». В двадцать первой статье говорится: «кого бы от архиерей и святых отец единомудрствующих имея с собою Никон? Ей, никого». В статье двадцать пятой: «благочестивый царю! Он, Никон суетумудренный, смысли, учим воистину древним човекоубейцею диаволом, и с ним советуя всегда, реях, ко отчаянию привести тщася и всех погубити хотя». Но особенно для нас важна и интересна последняя — тридцатая обличительная статья. «Пишет Никон, о благочестивый царю, заявляет обличение, что оных трех иноков проклял, будто они наругаются исповеданию православной веры, присланного ему от святейшаго Паисея, цареградского патриарха; и во святей-де литургии в божественных таинствах недоверуют и недружбы чинят против того, что он исправил думою и благословением святейших

вселенских патриарх, а во благодости-де своей никогда же хотел ни прибавить, ни убавить от церкви, опроче правил св. апостол и св. отец; еже есть: Кормчую книгу в тиснении печатном перебил и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроил; един выход был, а самый несогласный: и с которыя будто и печатаны, и с тою несходны. Также и прочия книги, при патриаршестве его тиснением печатным изданныя, мятежа и смущения исполнены, и б бо выходов служебников мудрования его сами в себе согласия не имут. Но и скрижаль духовная сама в себе несогласна, существа перебиты, а толкованием с нашими древними печатными служебниками во многом несходно. Да аще он, Никон, от цареградского патриарха Паисея вере научился и исправити потщася: царствующаго града Москвы благочестивии и христоролюбивии цари и великие князи, и князи и бояра, и преже его бывшие 5 патриархов, и преосвященныя митрополиты, и архиепископы и епископы, священноархимандриты и игумены, протопопы, иереи и диаконы, и святых великих обителей и прочих монастырей мнихи, пачеже и старцы, и христоролюбивый росейский народ, — ушто до него, Никона, неправо веровали и бескровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстудия! Ненасытився, убивая верных душ, глаголет, яко исправляя и не хотящих последовать его прелестному мудрованию, проклинает. Не ново убо начинающе святии они старцы, но древнее святых отец предание утвержающе, верных души от смущения соблюдати тщася. Глаголай же, яко не хотел прибавить, ни убавить, опроче правил святых апостол и святых вселенских соборов, приказывал: как нн есть, только не по старому. О книгах убо, благочестивый царю, что извещал преосвященный Паисия (т. е. Лигарид) тебе, благочестивый царю, которой от многих стран собраны, заперты безпожиточно, — пишет Никон, что в ево далныя монастыри отвезены, — не в царствующем граде Москве. Почто, христоролюбивый царю, попусти сице, — не реку человеку, но зверю, и ни малаго добра смыслившу святей церкви и державе царствия твоего?»

Вот что заявляли русские архиереи царю Алексею Михайловичу по поводу церковной реформы Никона, как они представляли это дело себе и старались в челобитной разъяснить царю, как ему следует смотреть на церковно-реформаторскую деятельность Никона; она, по их мнению, во всех отношениях есть деятельность преступная, как наносящая непоправимый вред русской правой вере и русскому истинному благочестию, и потому заслуживает не признания и одобрения, а полного отрицания и осуждения со стороны всех истинно верующих и благочестивых людей. Между указанными воззрениями русских иерархов на церковные исправления Никона и воззрениями тогдашних принципиальных защитников русской церковной старины, трудно найти какое-либо различие: русские иерархи - челобитчики и защитники старины слились в этом отношении в нечто однородное и неразличимое по своему существу. Справедливость однако требует сказать, что приведенная вами челобитная русских архиереев государю, в которой они решительно осуждают все Никоновские церковные исправления, как несостоятельные и очень вредные для церкви, были написаны архиереем — заклятым врагом Никона — тем же вятским епископом Александром, которым были написаны и приведенные нами выше вопросы, направленные против книжных исправлений Никона и предназначенные Александром для прочтения на соборе 1666 года. Правда, Александр

говорит в челобитной от имени всех архиереев, но несомненно, что тогда были архиереи, которые никак не могли согласиться с воззрениями Александра на реформы Никона, так как они были горячими и убежденными поклонниками всех никоновских церковных исправлений. Такими сторонниками и защитниками реформ Никона были тогда, нам известные крутицкий митрополит Павел, рязанский архиепископ Иларион и, конечно, другие. Но, с другой стороны несомненно и то, что епископ Александр был не один, что между тогдашними архиереями и у него были сторонники, которые, по крайней мере в первое время после оставления Никоном патриаршей кафедры, отрицательно относились не только лично к Никону, но вместе и к его реформе. Поэтому Александр и мог в своей челобитной государю говорить, если не от лица всех, то от лица известной группы тогдашних архиереев.

Таким образом, некоторые русские архиереи, по крайней мере вначале, относились отрицательно к грекофильской реформаторской деятельности Никона, и это свое отношение к реформе, которое они по страху скрывали во время патриаршества Никона, после оставления им кафедры, уже открыто, в лице вятского епископа Александра выражали публично и даже в особой челобитной государю